

Цымбурский В. Л.

Эя и Троя

(Прагреки в Северо-Западной Анатолии и происхождение топонима Αἴα)*

В 1970-х годах Л.Г.Герценберг, с симпатией относясь к гипотезе К.Уленбека о генетической «двусоставности» индоевропейского праязыка, уделял немало внимания его лексическим и грамматико-морфологическим сходжениям с языками восточнопонтийского круга [Герценберг 1978] – то есть, тем сюжетам, при обсуждении которых почти неизбежно всплывает тема античной Эи. Поэтому, надеюсь, мой этюд об «Эе и Трое» не покажется неуместным вкладом в Festschrift замечательного индоевропеиста, чьи несколько «гостевых» лекций по авестийскому языку, прочитанные на филологическом факультете МГУ почти четверть века назад, очень сильно повлияли на мое профессиональное самоопределение.

* * *

Название мифической страны Эи (Αἴα) на востоке, вблизи Океана, цели плавания аргонавтов (подробный обзор источников и версий см. [Lesky 1948]), подвергалось разным толкованиям. Его сближали и с именем картвельского бога плодородия Aia [Гордезиани 1978, 208], и с зап.-сем. 'ауа 'сокол', ссылаясь на имена царя Эи Αἰήτης, созвучное греч. αἰετός 'орел', и сестры Ээта Кирки, якобы "Соколицы" [Berard 1929, 287-288; Astour 1965, 283-288], и с хет. еуа, обозначением вечнозеленого дерева, на котором в хеттском мифе о Телепину, как в Эе греков, вывешивалась священная шкура барана [Гамкрелидзе, Иванов 1984, 907]. Все эти сближения, и вообще-то сомнительные, отпадают в свете документов линейного письма В [Ventris-Chadwick 1973, 537], отразивших греческие имена, образованные от названия Эи: KN Vc 7612 a₃-wa-ta (=Aiwātas) ~ Αἰήτης; PY En 74, Eo 160 a₃-wa-ja (=Aiwajā) ~ Αἰαίη в "Одиссее", эпитет Кирки как уроженицы Эи, "эянки" (IX, 32; XII, 268, 273), а также прозвание ее "эйского" острова (X, 135; XI, 70; XII, 3). Из микенских отражений видно, что в то время основа данного названия в образованных от него формах звучала как Aiwa-.

Странным образом новейшие толкования имени Эи игнорируют его созвучие с греч. αἴα «земля», которое, само, правда, не имеет признанной этимологии. [Frisk 1960,29:

* H₂dā manasā. Сборник статей к 70-летию проф. Л.Г.Герценберга. СПб, 2005.

Chantraine 1968,29]. Попытки К. Бругманна связать этот апеллатив с лат. *avia* ‘бабка’ и греч. (кирен.) *αἶα* ‘мамка-кормилица’ (τῆθις καὶ μάϊα Et. Magn.) [Brugmann 1911,206-208] опровергнуты кносским документом линейного письма В KN С 973, где имя героя-богатыря *Αἶας*, -ιτος, обычно трактуемое как производное от *αἶα* ‘земля’ и фигурирующее в этом документе в качестве клички быка, записывается в виде *a3-wa* (=Aiwants) [Ventris-Chadwick 1973, там же]. Похоже, в микенском греческом сосуществовали как полные омонимы *aiwa- ‘земля’ и имя далекой страны *Aiwa-. Судя же по циркумфлексному ударению в греч. *Αἶα* и *αἶα*, оба эти слова имели параллельные основы на -iā (условно — *Aiwiā с большой буквы и *aiwiā с малой), утвердившиеся в словаре, тогда как основы на -a уцелели лишь в дериватах.

По моему мнению, исключительный интерес представляет догадка В. Пизани (1943; к сожалению, она известна мне лишь по ссылке в [Chantraine 1968,408].) о возможном родстве *αἶα* с *ἡῖών*, дор. *αἰών* ‘берег’, гом. *ἡῖοεις* ‘высокобережный’, эпитет Скамандра в II. V, 16. Часть гомеровских контекстов прямо поддерживает такое осмысление *αἶα*. Таковы, во-первых, все контексты со словосочетанием *πατρίδος αἶης* в 5-6 стопах гекзаметра (II. II, 162, 178; IV, 172; XI, 817; XV, 740; XVI, 539; Od. I, 75, 203; IV, 262; X, 236, 472; XVIII, 145; XIX, 301; XXIII, 353; XXIV, 290), где повествуется об ахейцах и о Елене в Трое, отделенных морем от родного края, или об Одиссее, скитающемся вдали от берегов Итаки; сюда же Od. IV, 521 — об Агамемноне, наоборот, вступающем на берег отчизны (*ἐπεβήσεται πατρίδος αἶης*). Далее, сюда же относятся пассажи "Илиады", прилагающие термин *αἶα* к земле, омываемой пеонийским потоком Аксием (II, 850), и к Фракии, видимой Зевсу с вершин троянской Иды (XIV, 4). Вполне нейтральны относительно разбираемой гипотезы контексты: Od. I, 41 — об Оресте, который, возмужав, "востребует свою страну" (*ἦς ἰμείρεται αἶης*) и II. XVI, 539 — о гибнущем в Трое вдали от родины (опять же *πατρίδος αἶης*) ликийце Сарпедоне. Сложнее оказывается 1) с оборотом *πᾶσαν ἐπ' αἶαν* применительно к восходящей над миром заре (II. VIII, 1; XXIV, 695)¹, также к преследующему людей по всему миру Безумию (II. IX, 506) или к повсеместной славе некой финикийской чаши (II. XXIII, 742); 2) со ст. II. XXIII, 327, где упоминается столб, выступающий над уровнем земли (*ὑπὲρ αἶης*, впрочем, учтем, что речь идет об играх по Патроклу, совершающихся на троянском взморье, ср. ст. 362-375); 3) особенно с трудным местом II. III, 243-244

¹ Поскольку в других случаях Заря изображается Гомером встающей из вод Океана (II., XIX и сл.), в той *αἶα*, над которой она простирает свой свет, можно было бы видеть врезающуюся в Океан земную сушу. Но настаивать на таком толковании я не берусь.

(ср. Od. XI, 301), где φυσίζοος αἶα удерживает "там, в Лакедемоне, в отчей земле" (ἐν Λακεδαίμονι αὐθι φίλῃ ἐν πατρίδι γαίῃ) Диоскуров, не давая им отбыть за море в Троию с ахейцами.² Несмотря на все эти сложности, весьма привлекательна мысль о допустимости для αἶα первичного значения "край земли, побережье" с развитием вторичных смыслов "край-страна", далее в особых контекстах "вся земля", "мир" (πάσαν ἐπ' αἶαν «во всяком краю»= «по всей земле»), очень редко "уровень земли, почва" — вероятно, под влиянием созвучного и паронимичного γαἶα.

² Очевидно, что стих II.Ш 243 ὥς φάτο τοὺς δ' ἤδη κάτεχεν φυσίζοος αἶα представляет контекстную вариацию восхваляющего Диоскуров гекзаметра, который видим в Od.XI,301 – τοὺς ἄμφω ζωοὺς κατέχει φυσίζοος αἶα. Значение αἶα в этой конструкции несомненно увязывается со смыслом эпитета φυσίζοος. Но что можно сказать о последнем? Нет никакой необходимости соотносить его с ζεῖα «полба», «хлеб» [Liddell-Scott 1940,1964], пока не доказана неправомерность ближайшего объяснения –ζοος через ион. ζῶη «жизнь», эол. ζοία (сюда же дор. ζόα) – известные варианты к ζωή. Весь вопрос в том, как понимать эпитет, образованный сложением этой основы с отглагольным элементом φυσι- в начальной позиции. Когда-то Э.Бенвенист изящно показал на нескольких примерах, что сложные имена с первым глагольным и управляющим членом, а вторым – управляемым и именным (типа φερέ-πονος) «обозначают одушевленные имена или предметы не как носителей какой-либо функции,... но как действительно выполняющих или выполнивших названное действие и тем самым как существа или предметы особенные и определенные» (так, φερέ-πονος не просто «приносящий страдания», но тот, кто впрямь кому-либо уже принес их или сейчас приносит) [Бенвенист 1974, 248-249] . Применимо ли обобщение Бенвениста к нашему случаю? Если да, то в словах Ахилла из II. XXI, 62-63 о Приамиде Ликаоне, коего ахеец намерен низвергнуть в царство мертвых, ἢ ἄρ' ὁμῶς καὶ κείθεν ἐλεύσεται, ἢ μὴν ἐρύξει / γῆ φυσίζοος «придет ли он так же оттуда (как он ранее вернулся с Лемноса, куда был продан – В.Ц.), или его удержит γῆ φυσίζοος» надо усматривать указание не просто на «жизнедарную землю», но на землю, собственно давшую жизнь Ликаону – на землю Трояды. Можно указать и некоторые позднейшие контексты, для которых подобное понимание φυσίζοος вполне правомерно. Когда, по Геродоту [I, 67] дельфийский оракул, используя гомеровский формуляр, сообщил спартанцам, ищущим кости Ореста ..ἔστι τις Ἀρκαδίας Τεγέη λευρῶ ἐνὶ χώρῳ, .../ Ἐνθ' Ἀγαμέμνονίδην κατέχει φυσίζοος αἶα «есть в Аркадии некая Тегея; на гладкой равнине там Агамемнонова сына удерживает φυσίζοος αἶα» мы вполне можем, сообразно с тезисом Бенвениста, понимать под φυσίζοος αἶα не вообще почву, где лежат кости, но родимый для Ореста край, Пелопоннес, землю родины. Сходным образом пассаж Эсхила Suppl. 584 φυσίζοου...γένος Ζηνός, похоже, характеризует не вообще Зевса-жизнеподателя, но бога, давшего жизнь роду Эпафа. Не проступает ли такое же употребление φυσίζοος и в стихах Гомера, посвященных Диоскурам? Тогда Od.XI,301 следовало бы переводить «их живыми обоих удерживает давший им жизнь край», а II.,Ш, 243-244 с оттенком тавтологического плеоназма – «..Но их уже удерживал давший им жизнь край – там же, в Лакедемоне, в отчей земле..». Отсюда может происходить то вторичное, вырожденное употребление слова, которое видим в Нутн.Ном. IV, 125, где уносимая Гермесом царевна-фригианка не может коснуться ногою φυσίζοου αἶης « родимой земли».

Этой гипотезе вторят и старые разработки Э. Бете [Bethe 1927,115-123], который, учитывая приморское расположение ряда святилищ Аякса Теламонида (Опунт, Саламин, Эгейская Фракия, Троя) и его мифо-историческую роль "помощника" грекам в Саламинской битве (Hdt. VII, 64, 93, 121), а также мотив гибели меньшого Аякса Оилида на прибрежных скалах, воссоздал образ "Пра-Аякса" как защитника кораблей (эту аргументацию Бете недавно воспроизвел Л. С. Клейн [1998, 192-196], и посвященные ей страницы — из лучших в очень спорной "Анатомии Илиады"[Цымбурский-Файер 2002,89]). Исконно имя такого "Пра-Аякса" могло отражать его миссию полубога — покровителя приморий, мысов, прибрежных областей (сюда же Αἰάντεον, Aeanteum, название взгорья на побережье п-ова Магнесии, Plin. NH IV, 32; Ptol. III, 13, 16).

В свете этих наработок я хотел бы доосмыслить этимологию этника Αἰολεῖς, предложенную в 1960-х О. Каррубой [Carruba 1963, 407-408; Carruba 1964, 275-278]. Не оспаривая напрямую обычного отождествления названия Αἰῆτια, вар. Αἰῆτιαῶνα (Αἰῆτιῶνα) из хеттских текстов XV–XIII вв. до н. э. с греч. Ἀχαι(φ)οί 'ахейцы', Карруба вместе с тем усмотрел в имени эолийцев заимствованную анатолийскую (древнелидийскую) форму конца II тыс. до н. э. *Ai(a)wales с распространеннейшим лидийским адгентивно-притяжательным суффиксом –ali-, за которой может стоять еще более древняя *Αἰῆτιῶwales 'жители страны Αἰῆτια (Αἰῆτιῶνα)' (при этом он привел ряд случаев падения хетто-лувийского ларингала в лидийском, в том числе глоссу Гесихия λαίλας. τύραννος ὑπὸ Λυδῶν = хет. lahḫiyalaš 'воитель'). Непонятно, почему ученый проигнорировал прямо работающее на эту идею свидетельство хеттского "Письма о Тавакалавасе" (XIII в. до н. э.), где в кол. I, ст. 11-12 брат царя Аххиявы (видимо, стремящийся завоевать себе домен в Анатолии) титулуется LUGAL a-ia-ua-la-aš [Sommer 1932,2], что еще Э. Форрер (1924) верно понял в смысле "царь народа айавала", т. е. эолийцев [Forrer 1924,10; Forrer 1924a, 114]. В. Аххияве Карруба увидел малоазийскую область, охватывавшую земли позднейшей Эолиды, включая и Трою.

И однако сегодня, особенно в свете работ Г. Гютербока, М. Меллинк, Ф. Шахермейра 1980-х гг. [Gueterbock 1983, Gueterbock 1984; Mellink 1983; Schachermeyr 1986] отрицать тождество Аххиявы XV–XIII вв. с Микенской Грецией невозможно; (см. также [Гиндин–Цымбурский 1996, гл.2]). А трактовка Каррубой этнонима

эолийцев как воспринятого в Малой Азии пришлыми с Балканского полуострова греками под конец II тыс. до н. э. наталкивается на сообщения историков об эолийцах в Фессалии и Этолии (Hdt. VII, 176; Thuc. III, 102; Strabo X, 3, 4). К тому же интригующим выглядит топоним Αἶα из фрагмента Софокла (фр. 829 Nauck, St. Byz. s. v.) как раритетное обозначение Фессалии: τῆς Αἶα Θεσσαλῶν παγκληρία — хотя, с другой стороны, старая попытка А. Фика со ссылкой на аналогию в Ἄργος : Ἄργολίς прямиком возводит Αἰολεῖς к названию этой фессалийской Эи [Fick 1914,68] очень проблематична со стороны греческого словообразования³.

В двух наших совместных статьях с Л. А. Гиндиным [Гиндин-Цымбурский 1994; Гиндин-Цымбурский 1995] для всего этого круга фактов было предложено следующее объяснение. Как известно, Троя VI (XVIII–XIV вв. до н. э.), отождествляемая с "Лаомедонтовой Троей" греков, во многом культурно отличаясь от предыдущих слоев города, обнаруживает тесные связи со среднеэлладской, а затем и с Микенской Грецией, — что побуждало К. Блегена, А. Гетце, Д. Пейджа, одно время Дж. Меллаарта [Blegen 1963,145-146; Goetze 1957, 182; Page 1959,56,70; Mellaart 1958] видеть в хозяевах этого города группу ранних греков. Учитывая, что этот культурный переворот в Трое под 1800 г. до н. э. произошел вслед за т. н. "Курганной волной IV" второй половины III тыс. до н. э. — большой миграцией, с которой М. Гимбутас, Н. Хаммонд и другие археологи связывали приход прагреков и родственных им племен на Балканы со стороны Причерноморья [Gimbutas 1974; Hammond 1972,248; Hammond 1974;

³ Г.Хенигсвальд, обсуждая структуру формы Ἄργολίς как изобретенной по образцу Αἰολίς, хорошо показал, что известные греческие имена с суффиксом –ολ-, в основном, отглагольные – μαίνολης «бешеный» при μαίνομαι, φαίνολίς «сияющая» от φαίνω, ὄζολίς «вид полипов» от ὄζω «пахнуть», далее ἱερόλας «жрец» и некоторые другие – совершенно не объясняют происхождения этих двух названий. При этом ученый специально заявил по поводу имени эолийцев: «The structure of Aioleis is not lucid and it is the lack of any concrete relationship with a primitive like Aia», не упоминая имен ни Фика, ни Каррубы [Hoenigswald 1980, 105-106]. Не может не поражать отклик на заметку Хенигсвальда в монографии Гамкрелидзе и Иванова, провозгласивших перед русскими читателями, что якобы в форме Αἰολίς этот «автор предполагает производную от названия страны Αἶα и, соответственно, этноним Αἰολεῖς «эолийцы» этимологизируется им как жители страны Αἶα» [Гамкрелидзе-Иванов 1984, 907]. После чего, отождествив, со своей стороны, страну Эю с Колхидой, они занесли идеи, произвольно приписанные ими американскому лингвисту, в актив своей гипотезы о первоначальном проживании праиндоевропейцев и, в частности, прагреков, к югу от Кавказа. Данная ссылка Гамкрелидзе и Иванова на Хенигсвальда – самый диковинный образец «антиссылки», какой мне встречался в лингвистической литературе: ибо Хенигсвальд «никакой конкретной связи» между именами эолийцев и некой Эи (вовсе

Marinatos 1974] — мы во многом вернулись к ранней (1958 г.) концепции Меллаарта. А именно, — предположили, что на этом пути часть прагреков освоила Трою и сопредельные с нею к югу земли будущей Эолиды, послужившие мигрантам промежуточной прародиной на пути в Грецию. Здесь они восприняли у местных анатолийцев название этого края *Aḥḥiya*, *Aḥḥiyawa/Aḥḥiuwa* (топонимы на *-awa*, *-uwa* для хетто-лувийского ареала вообще очень типичны – см. [Гиндин 1967,104]). Но если предки ахейцев усвоили это имя себе в самоназвание в его исконной форме с ларингалом, переданным через греч. -х- (похоже, и сам Карруба под влиянием ранних идей Меллаарта тоже склонялся к подобной гипотезе [Carruba 1964, 298]), то часть их сородичей тогда же, а не через тысячу лет, переняла у соседей-пращуров топоним в варианте *Aiwa-* < *Aḥḥiuwa* с падением ларингала, как и этническое имя **Ai(a)wales* > *Αἰολεῖς*⁴.

Позднее основная масса ранних ахейцев и эолийцев перебралась на Балканский полуостров, перенесла название **Aiwa-*, вар. **Aiwiā* > *Αἶα* на Фессалию, одну из частей

не обязательно колхидской!) не видит, о чем и говорит прямо, игнорируя – или упустив из виду – сообщение об Эе Фессалийской.

⁴ Прежде приверженцы отождествления *Aḥḥiyawa* ~ *Αχαΐοι* без колебаний принимали передачу греческого –к- хеттским =ḫ=, тогда как их оппоненты то и дело заявляли о сомнительности отражения греческого напряженного смычного в виде хеттского ларингала [Friedrich 1927,92; Sommer 1932,354; Sommer 1937,267].

Наособицу стоит оригинальная, но практически бездоказательная идея М.Финкельберг о сохранении в греческом языке XIV – XIII вв. до н.э. древних ларингалов: по такой версии хет. *Aḥḥiyawa* могло бы точно передавать современную ему греческую форму, позднее развившуюся (с переходом сочетания =ḫу= > -к- в некое **Akhawoi*, вар. **Akhawoi* > *Αχαΐοι* [Finkelberg 1988]). Я склонен видеть в хет. *Aḥḥiya*, *Aḥḥiyawa*, *Aḥḥiuwa* старое название малоазийского региона, ставшее в устах хеттов и лувийцев традиционным наименованием для всего эгейского пространства, заселенного и контролируемого ахейскими греками – выходцами из Аххиявы, нечто типа франц. *Allemagne*, применительно к современной Германии. В греч. *Αχαΐοι* мы, скорее всего, имеем отражение того же названия, причем вокализм первоначальной формы **Akhijawoi* претерпевает небольшое изменение в силу желания ранних греков максимально точно удержать фонетический облик малоазийского по происхождению имени, избежать деформирующей палатализации [Гиндин-Цымбурский 1995,19; Цымбурский 2003,27]. Нет оснований допускать, будто бы изначальная Аххиява могла просуществовать как государство на северо-западе Анатолии под старинным своим именем до последних веков Хеттского царства, как полагают некоторые ученые (помимо работ Каррубы см. также Houwink ten Cate 1974; Mellaart 1971, 410). Скорее всего в XIV-XIII вв. до н.э. ее земли распределялись сперва между Вилусой (Илионом) и северными областями царства Арцава, а затем, после сокрушения Арцавы Мурсилисом II – между Вилусой и т.н. «странами Арцавы», нарезанными победителем из территории побежденной приморской державы – см. [Гиндин-Цымбурский 1996, гл.2].

которой образовала т.н. Ахейская Фтиотида с ее обитателями – ахейцами, отсюда и двинувшимися на Пелопоннес (Strab.VIII,V,5; IX,5,9). А какая-то раннегреческая группа из той же общности, мощно влилась в правящую элиту Трои и, более того, возобладала в этой элите, - впрочем, практически до конца бронзового века сохраняя теснейшие культурные связи со своими балканскими соплеменниками, как показал Блеген. Весь этот регион Анатолии условно – от Геллеспонта до реки Герма, или даже до Меандра, мы обозначили для конца III тыс. до н. э. именем "Пра-Аххиявы", в отличие от позднейшей Аххиявы (Аххиювы) или Аххии как наименования Ахейской Греции в средне- и новохеттских источниках.⁵

Косвенно эту версию поддерживают обнаруживаемые в Трое и в Мисии, в том числе в троянской мифо-легендарной традиции ономастические формы с архаичными греческими и македонскими соответствиями (прамакедонский, скорее всего, отделился от прагреческих диалектов около рубежа III – II тыс. до н. э. с движением прагреков из Македонии на юг и запад полуострова) [Гиндин-Цымбурский 1994, 29-34; Гиндин-Цымбурский 1995, 23-25, 32-34; Цымбурский 2003, 24-26]. Таковы: 1) гидронимы в Мисии *Καίκος*, совр. *Vakir-say* 'Рыжая река', *Καύστρος*, совр. *Ak-su* 'Белая вода' ~ греч. *κά(φ)ω* 'жгу', *καύστειρα* 'горячая' (о битве); 2) гидроним в Троеде *Γράνικος*, *Γρήνικος*

⁵ Такой версии этногенеза Северо-Западной Анатолии в среднебронзовую эпоху противостоят – во-первых, различные проявления автохтонистского исторического видения, отвергающего миграционные связи между Анатолией и Балканским полуостровом; во-вторых, популярная в 1960-х концепция Л.Палмера, тогда разделявшаяся и Меллаартом, постулировавшая доминирование лувийцев в первой половине II тыс. до н.э. как в Троеде и соседних регионах Малой Азии, так и на Крите и в Греции [Palmer 1962; Mellaart 1971, 406-410]; в-третьих, новейшая гипотеза Вяч.Вс.Иванова [2003, 9], предполагающая для конца III – первой половины II тыс. до н.э. своего рода рокировку между лувийцами, до того якобы заселявшими юг Балкан, и прагреками, которые перебираясь в Грецию из прибрежной Анатолии, вынудили лувийцев податься за море в места, покинутые новыми пришельцами. Для Иванова Троя эпохи средней и поздней бронзы (Троя VI и VII) – лувийский город, что на мой взгляд полностью расходится с культурной ориентацией твердыни над Гелеспонтом. С точки зрения этого ученого история «греческой Трои» кончается там, где для меня, она лишь входит в свой расцвет, отмеченный небесконфликтным сосуществованием раннегреческих и раннефракийских элементов в самом Илионе [Hodinott 1981,58; Гиндин-Цымбурский 1995; Цымбурский 1996]. В дискуссии задействованы также – первоначальная версия Гамкрелидзе-Иванова о приходе греков в Северо-Западную Анатолию не из Причерноморья, а с переднеазиатской прародины к югу от Кавказа под хетто-лувийским давлением с востока; идея Блегена насчет параллельного заселения Трои и Греции к началу II тыс. до н.э. какими-то группами греков [Blegen 1963,146]; наконец, остроумная конструкция Д.Пейджа, допускавшего появление греков в Троеде хотя из Причерноморья, но не балканским путем, а конным маршем со стороны Кавказа [Page 1959,58].

~ греч. κρήνη, дор. κρᾶνα 'источник' < *k'ṛs-nā, др.-инд. ṣṛārayati «кипятит» [Елоева 1984] (развитие kr- > gr- в троянской форме — ареальная черта, характерная для фракийского ареала, к коему примыкала Троя, ср. фрак. Κρηστῶνες ~ Γραστῶνες, дак.-мис. Κρίσος ~ Grisia и т. д.); 3) троян. Ἄβυδος ~ др.-макед. Ἄβυδών (ср. Нес. ἄβυδόν. βαθύ 'глубокое'), греч. ἄ-βυθος, ἄ-βυσσος 'глубокий, бездонный'; от βυθός «дно моря, пучина, пропасть», βυσσός то же (*<βυθ-σός, возможно след старой основы на -s- вроде *βύθος, -εος), греческих форм с разноречивыми этимологическими толкованиями [Pokorny 1959, 267-465; Frisk 1960, 276; Цымбурский 2003, 26]; в троянском топониме показательно отражение придыхательного как звонкого, обычное для многих древнемакедонских глосс и отражающее общегреко-македонское состояние, до оглушения придыхательных в прагреческом; 4) за хеттской передачей названия Илиона Wiluša, вар. Wilušiya может стоять прагреческая форма перфектного причастия женского рода *wīlusyā (polis), 'Закрученный, Крутой город' (ср. II. XV, 71 Ἴλιον αἰπύ) от глагола *wīlyō 'крутить' > ἴλλω, структурно аналогичная греч. ἰδυῖα 'знающая' < widusyā, др.-инд. viduṣī; 5) Ἀλέξανδρος 'Защитник мужей', второе имя троянского Париса, сюда же Alakšanduš, хеттская запись имени царька, правившего в Вилусе в конце XIV в. до н. э. ~ мик. MY V 659 a-re-ka-sa-da-ra (=Aleksandra), женское личное имя [Ventris-Chadwick 1973, 534], а также Ἀλέξανδρος — аристократическое и царское имя в Македонии, под македонским влиянием распространяющееся в Греции с IV в. до н. э. Учитывая, что распад греко-индо-иранской общности правдоподобно датируется серединой – второй половиной III тыс. до н. э., очень показательны троянские формы с параллелями в индоарийской и иранской традициях. Это: 6) троянский гидроним Ἀπιδανός ~ название рек в Фессалии Ἄπιδανός, вар. Ἄπιδανός и на Пелопоннесе Ἄπιδών, все отражающие форму *arī-dānu- 'ток вод' с параллелями в ведийском, ср. RV V, 31, 6 ἄρο... dānu-citrāh 'воды... блестящие потоками' и т. д.; в Троаде и Греции эта гидронимическая формула — такое же наследие эпохи греко-индо-иранских контактов, как прозвище греческих героев Δαναῖ(F)οί ~ авест. Dānava некое приречное племя, др.-инд. Dānavā группа демонов; 7) Κασσάνδρα, имя троянской пророчицы ~ др.-макед. Κάσσανδρος — мужское имя, с соответствиями в ведийской формуле (RV I, 173, 9) naḡām śámsaḥ 'прославление (от) мужей', далее в Naḡáśámsaḥ эпитете Агни и Пушана как посредников между людьми и богами, авест. Naīyo-saḡha имени бога-вестника [Heubeck 1957, 276; Герценберг 1972, 100]. Благодаря этим соответствиям было опровергнуто то и дело звучавшее в

литературе как некое общее место утверждение об отсутствии в Трое греческих ономастических форм, особенно топонимов, способных восходить к бронзовому веку [Гиндин 1967,32-33; Mellaart 1971, 410].

На этом воссозданном лингвистическом фоне "прагреческой" Трои становятся особенно зримы рудиментарные, вторично осмысленные античностью троянские мотивы в мифологии ряда греческих героев, носящих имена с основой $\Lambda\iota\alpha-$ < * $\Lambda i\omega a-$. Это и сводное братство Аякса Теламонида с Тевкром, собственно — "Троянцем", выступающих в наиболее архаичных, "прегомеровских" частях "Илиады" как "два Аякса", $\Lambda\iota\alpha\upsilon\tau\epsilon$ (особенно наглядно в VIII, 261-272) [Wackernagel 1877; Page 1959, 235-238]. Это и комплекс мотивов, отнесенных к "меньшому" Аяксу Оилиду (Οἰλιάδης) или Илиаду (Ἰλιάδης , Schol. II. A XIII, 203; Pind. Ol. IX, 112): начиная с имени его отца Οἰλέυς 'Со-илиец' или Ἰλέυς «Илеец», зачатого, по Гесиоду (фр. 116 Rzach) от Аполлона некой нимфой в день созидания богом Илиона, то есть, скорее всего, прямо в Трое, кончая знаменитыми посольствами в I тыс. до н. э. локров, соплеменников Аякса Оилида, в троянское святилище Афины Илиады [Wilamowitz-Muellendorff 1916,380; Bethe 1927, 127-151], обычаем, где за идеей "искупления Аяксова греха" может стоять возобновление почитания старой сакральной метрополии, родины героя-предка [Гиндин-Цымбурский 1994, 37]. И наконец, первостепенную ценность имеет донесенный Пиндаром (Ol. VIII, 31 и сл.) сюжет, по которому в воздвижении стен Лаомедонтовой Трои (в археологическом прочтении — культурно ориентированной на Грецию Трои VI) с Посейдоном и Аполлоном непосредственно соучаствовал смертный герой Эак ($\Lambda\iota\alpha\kappa\acute{o}\varsigma$ < * $\Lambda i\omega a-ko$ 'Человек страны * $\Lambda i\omega a-$). Данный сюжет плохо совмещается с обычной привязкой Эака к Эгине, а его мифического потомства к Фессалии и Саламину и выглядит древнее этих балкано-греческих локализаций, контрастирует с ними. «Лаомедонтова» Троя-Илион при небольшой перестановке смысловых акцентов оказывается городом, который с помощью богов соорудил «Человек (=царь, вождь) страны Эи (Айвы)».⁶

Я думаю, первая Эя-Аххиява, с которой в конце III тыс. до н. э. познакомились греки — точнее, еще прагреки — не только простиралась к югу от Геллеспонта на землях будущей Эолиды, но и в названии своем содержала ту же основу, что дала в греческом апеллатив $\alpha\iota\alpha$ 'прибрежье, край, земля' (если сюда же относится и греч.

⁶ О возможности, доверяясь лучшим рукописям «Александры» Ликофрона (ст.157), увидеть в имени мифического царя Лаомедонта старую греко-троянскую эпikleзу Посейдона, см. подробнее [Цымбурский 1990].

ήϊών, дор. αἰών ‘берег’ < *āyiwo-, то особенности вокализма этого слова как возможного дублета к *aiwa- и параллельного продолжения, через некое посредство, основы, представленной в анат. Aḫḫiwa, требуют особого обсуждения). Тем самым, я, по сути, утверждаю, что анат. Aḫḫiya с его расширенными вариантами должно было иметь сходное с aīa значение в диалектах, по крайней мере, части тех местных уроженцев, с которыми на этой малоазийской периферии столкнулись прагреки.

Но может ли этот топоним, если мы припишем ему подобный смысл, получить объяснение на материале известных языков древней Анатолии? Что общего, казалось бы, у Aḫḫiya с лувийским союзом и наречием aḫḫa ‘вслед за тем как’, ‘после того как’, ‘когда’ (сюда же лик. ēke, ŋke «когда, как только»)? Однако возможность связи просматривается благодаря серии работ Н. Н. Казанского, возводящего лувийский союз и наречие к и.-е. *meg'h- в нулевой огласовке и показывающего его родство с греч. ἄχρι, μέχρι ‘вплоть до того, как’, арм. meḡ ‘около’, meḡenal ‘приближаться’, далее лат. тох ‘вскоре, затем’, др.-инд. makṣū ‘скоро, быстро’ (также вариант maṅkṣū, авест. masu, др.-ирл. mos то же. [Казанский 1978; Казанскене-Казанский 1981; Kazansky 1999]. Этот лингвист предполагает для *meg'h- исходную семантику ‘вплотную к ч.-л., впритык’ в пространственном аспекте, темпоральное же применение, в том числе и для лувийского, считает вторичным. Я же допускаю в продолжение этой мысли, что первичным значением этого *meg'h- могло быть ‘край, с краю’, откуда способны развиваться смыслы как “соседства, близости” (русск. диал. *край* ‘около’), так и окраинности, предельной удаленности, буквально — вынесенности на край света.

Любопытна перекличка *meg'h- с близким по смыслу *eg'h-, представленным в арм. ezi ‘берег, край, граница’, лит. ežià, ežė, диал. ažià «межа, край, граница, грядка», «мелководье в заливе возле берега», лтш. eža «межа», др.-прусск. asy то же, слав. jěзь «запруда, плотина, канал, часть водоема», в слав. *ezero, *ozero ‘озеро’, лит. ēzeras, лтш. ezers, др.-прусск. assaran «то же», в иллирийском этнониме Oseriates [Pokorny 1959,291-292; Фасмер 1971,125; Фасмер 1973, 549; ЭССЯ 1979, 33-34,51, 59; Fraenkel 1955,125]. А далее, возможно, и в балто-славянских предлогах: слав. *za ‘по ту сторону’, лит. диал. ažù < *ažúo, лтш. диал. až в той же функции. Поскольку мы имеем тут дело с корнями, принадлежащими к наречно-пространственному полю, эта пара *meg'h- : *eg'h- весьма напоминает известное соотношение предлогов-приставок *ṛbhi

(греч. ἀμφί, лат. amb(i)-, др.-в.-нем. umbi-) : *(e)bhi (слав. *ob, др.-прусс. ab-, eb-, лат. ob, гот., др.-в.-нем. bi)⁷.

Правдоподобно, что в хетто-лувийском мире рубежа III–II тыс. до н. э. Aḫḫiya, Aḫḫi(ya)wa < *Aiwa- к югу от Геллеспонта означала "Крайнюю страну", "Крайнюю область" Малой Азии (типологически аналогично таким славянским названиям как *Украина*, так же Kràjina в Боснии и Черногории, Krajna в Славонии и Польше; или немецким типа Ostmark, где Mark, ср.-в.-нем. marke 'пограничная область' = лат. margo 'край, граница'). Это был ближний край анатолийского полуострова для любых переселенцев с Балкан (в частности, см. в книге [Гиндин-Цымбурский 1996, гл.6] старые и новые аргументы в пользу того, что земля Трояды за несколько веков до появления на ней прагреков послужила первичным плацдармом в Анатолии для лувийских племен на их пути к историческому местообитанию). И в то же время это была дальняя окраина с точки зрения хеттских и лувийских уроженцев южных и внутренних малоазийских районов. В этих смыслах основу *Aiwa- восприняла та часть прагреков, что перенесла название Αἶα на Фессалию — тот край Греции, откуда разворачивалось ее обживание, по крайней мере, племенами эолийской диалектной группы [Hammond 1974]. Жаль, у нас нет данных о том, могли ли те же смыслы

---

⁷ Как известно, со слав. *ozero, *ezero, лит. ežeras и т.д. часто сближают и греч. Αχέρων, -οντος названия рек в эпирской Феспотии и в колонизованном греками италийском Бреттии [Strab. VI,1,5], также мифической реки омывающей загробный мир, и примыкающую сюда же глоссу ἀχερούσια. ὕδατα ἐλώδη «болотные воды» (Hes.) (см. только что цитированные места из словарей Покорного и Фасмера и из ЭССЯ). Однако моментом, осложняющим сопоставление, оказывается вокализм первого слога в греческом слове, который непросто увязать с огласовкою того же слога в балтийских и славянских языках. Я допускаю, что в названии Ахеронта как «Крайней реки», «Реки-границы» (к семантике ср. фрак. Μάρυος, названия современной Моравы и одного из притоков Гебра = лат. margo [Гиндин 1981, 18]), представлен тот же вариант наречного корня с начальным m=(*m̥gʰer=ont=), который с другими вариантами корневой и суффиксальной огласовки имеем в греч. ἄχρη, μέχρη. Как видим, оба варианта *egʰh=/*megʰh= с базисным значением «края, границы» способны развивать вторичные смыслы «водных пространств», а также «прилегающих к ним и переходящих в них участков суши»; см. на этот счет замечания В.Н.Топорова [1975,120-121, 131-133], возводящего к той же основе др.-англ. eaƿoƿ «море», др.-исл. ægir «морское божество», а в связи со значением Ἄχέρων «загробная река» вспоминающего также имя балтийского бога мертвых Ežagulis'a.

сохраняться для позднейших хеттов и лувийцев в названии греко-микенской Аххиявы с ее прибрежными владениями в Малой Азии и метрополией за морями.

Весьма вероятно, что именно в Северо-Западной Анатолии, на землях Эи-"Пра-Аххиявы" прагреки получили мифологическое представление о некоей еще более дальней "последней" или "мировой" Эе возле Океана на востоке — близ места солнечного восхода. (позднее осмысленной как "Эя Колхидская", Αἴα ἢ Κολχίς , Hdt. I, 2; VII, 193, 197). Образ этой "Эи par excellence" оказался насыщен мотивами вроде руна на дереве, почерпнутыми из слухов о нравах и верованиях припонтийских народов (см. дополнение), название же ее отмечено языковым колоритом промежуточной прародины греков.

Среди греческих мифологических образов, несущих в своих именах ту же основу и, вероятно, зародившихся в тех же условиях промежуточной прародины, надо особо вспомнить о гомеровском Эоле (Od. X, 1 и сл.), повелителе ветров, обитающем со своим семейством на далеком морском острове, — фигуре, каковая, судя по чисто хетто-лувийской структуре имени ($\text{Αἶολος} < *Ai(a)walis$) могла быть напрямую заимствована из местного фольклора "анатолийской Эи".

ДОПОЛНЕНИЕ

Аргонавтический миф и промежуточная прародина греков.

В связи с концепцией пропонтийского генезиса и мифа о «мировой Эе» и самого обозначения этой страны я хотел бы вспомнить некоторые идеи давнего доклада «Тезеевско-аргонавтический миф в ритуальной ретроспективе», прочитанного мною в 1987 г. совместно с видным специалистом-когитологом В.М.Сергеевым на конференции Института археологии «Религиозные представления в первобытном обществе». Позволю себе здесь процитировать рукопись этого доклада, не совсем совпадающую с его опубликованными тезисами [Сергеев-Цымбурский 1987].

«Мы полагаем, что миф об аргонавтах и история плавания афинского Тезея к Миносу могут рассматриваться вместе как цикл сказаний о ритуальных путешествиях греков к заморским сакральным центрам. Это единство цикла, формально разделенного на два отдельных сюжета, определяется как их изоморфизмом, далеко выходящим за рамки базисной для обоих, архетипической – «пропповской» - фабулы, так и «рамочными» мотивами, объединяющими сказания. Нетрудно видеть, что оба сюжета строятся из одних и тех же ходов, выстроенных в одинаковой

последовательности⁸. 1) Воспитанный вдали от дома царевич по достижении совершеннолетия является в свою столицу, где сразу узнается – в частности, по особенностям обуви (полуразутость Язона, отцовские сандалии на Тесее). Впрочем, в последнем мифе обувь становится второстепенной «вырожденной» деталью, а главной приметой героя оказывается отцовский меч! (Vasch.XVIII,47-48; Apd.Ep.I,6; Ovid.Meth.VII,421-423). 2) Как претендент на власть – или заподозренный в качестве такового, – он возглавляет посольство в культовый центр за море. 3) Достигнув цели, он выдерживает испытание-борьбу с быками или быком. 4) В испытании ему помогает дочь царя культового центра, стремящаяся к браку с героем. 5) Она же содействует герою в убийстве своего брата – сына царя культового центра (в истории плавания Тесея ходы 4 и 5 оказываются оригинально склеены – это показывает остроумная риторическая деконструкция данного сказания у Катулла (XLV,150,160сл.), где в монологе Ариадны Минотавр фигурирует сразу и как дикий бык, и как предаваемый сестрою брат. 6). Возвращаясь, герой, вопреки прежним своим обещаниям, оставляет заморскую царевну – помощницу. 7). Возвращение героя оборачивается на его родине гибелью старого царя – его предшественника (в аргонавтическом мифе этот персонаж расщеплен на законного царя Эсона и узурпатора Пелия; в основной, Аполлодоровой (1,19,16-28), версии гибнут оба, причем самоубийство Эсона, испивающего бычьей крови, можно сопоставить с самоубийством бросающегося в море Эгея). 8) Завершающий сюжетный ход аргонавтического мифа – варка узурпатора Пелия в котле – находит четкую параллель в «тесеевской» части цикла, где, однако же, этот мотив переносится на царя культового центра – цели путешествия – и реализуется в обваривании дочерью Кокала критского Миноса, пытающегося преследовать Дедала – магического помощника Тесея и Ариадны [Apol. Ep.I,15].

К рамочным переключкам, сближающим разбираемые сюжеты, надо причислить : 1) перемещения героев из одного сюжета в другой – превращение Медеи в злокозненную мачеху Тесея – жену старого царя Эгея; 2) утверждаемое мифами родство правителей эйского и критского культового центров, Ээта и Миноса: они оказываются друг другу, соответственно, шурином и зятем, а их дочери, помогающие героям, Ариадна и Медея, – двоюродными сестрами; и наконец, 3) достойную самого серьезного внимания параномасическую переключку между «плаванием минийцев»

⁸ В своей работе мы с Сергеевым ориентировались на сводное и вместе мультивариантное представление обоих мифов в изданиях [Robert 1921; Graves 1977], из которых последнее сейчас имеется в русском переводе [Грейвс 1992] – Прим.2003.

(потомков Миния, якобы доминировавших среди эолийцев-аргонавтов) и тесеевским *плаванием к Миносу*.

Воссоздавая правдоподобную ритуальную ретроспективу этих сюжетов, мы в обоих случаях приходим к обрядовым практикам, сопряженным с «обновлением царя», причем ядром этого комплекса практик оказываются испытания царевича, обычно обязанные завершиться либо его гибелью, либо приходом к власти с устранением – или самоустранением – предшественника⁹. Такая интерпретация в духе сюжета «Золотой ветви» подсказывается как сценою, где Медея варит Пелия в котле, обещая возвратить ему юность, так и общеизвестным совпадением цикличности афинских посольств на Крит (раз в девять лет) со словами Гомера Od.XIX,178-179, о царствовании на этом острове «девятилетнего Миноса» (Μίνως // ἐννέωρος βασιλεύς),- свидетельством ритуального обновления критского владыки раз в девятилетие¹⁰. Показательно, что в «тесеевской» части цикла мотив «обновления царя» как смысла путешествия имплицитно реализуясь в судьбе сменяемого Тесеем старика Эгея, эксплицитно переносится, как и связанный с ним мотив обваривания, на иноземного правителя, к которому плывет царевич,- якобы навязавшего афинянам уплату кровавой дани.

Оба сюжета включают прологи, мотивирующие необходимость посольств за море – в одном случае – жертвоприношением царского сына Фрикса, унесенного в Колхиду золотым бараном, а в другом – смертью Миносова сына Андрогоя, ставшего жертвою Марафонского быка. Как видим, в обоих случаях этиология посольств-испытаний ссылается как на первопричину – на жертвенную смерть некоего царевича. Но в «тесеевской» версии реализуется та же тенденция, о которой только что говорилось:

---

⁹ В 1987 году Ф.Виан выпустил интереснейшую статью об отразившемся в аргонавтическом мифе обряде «инициации царевича», где важнейшим испытанием оказывалась добыча талисмана [Vian 1987]. Однако надо отметить оригинальную версию, где Медея, погубив Пелия, возвращает юность старому законному правителю Эсону. Эту версию, развернутую Овидием (Meth.VII,240-350), гипотетичес еврипидовой Медеи возводит к киклической поэме «Возвращения» (Νόστοι), цитируя оттуда пассаж о том, как волшебница αὐτίκα δ' Αἴσωνα θῆκε φίλον κόρον ἠβώωντα « сразу сделала Эсона цветущим, милым юношей». – Прим.2003г.

¹⁰ Р.Грейвс [1992,257], сопоставляя версии посольств к Миносу каждый год и раз в девятилетие, вывел убедительную формулу «раз в девять лет, а точнее – в конце Великого года». – Прим.2003г.

погибающий царевич оказывается инородцем, выходцем с Крита, что позволяет увязать тему искупления его крови с историческим преданием о критской талассократии.

Позволим себе короткое отступление в область «археологии мотивов». Эпизод спасения Фрикса на баране ясно обнаруживает функции этого барана – и аналогично, везомого к стареющему Пелию золотого руна – как божества, хранящего царский род. Вспомним тут же варку Медеей барана, обращающегося в юного ягненка, как мнимую гарантию «обновления» завладевшего руном Пелия – на деле же символ прихода молодого преемника на его место. Вообще, восприятие барана как знака царской власти отчетливо сквозит в греческих и римско-этрусских мифах, видимо, западноанатолийского происхождения. Так, в истории борьбы за власть Пелопидов Атрея и Фиеста, сыновей героя-выходца из Северо-Западной Анатолии, царство назначается владельцу золотого барана Атрею, а похищение барана Фиестом означает попытку переворота, отстранения богоизбранного правителя [Apol.Ep.II,11]. В римском мифе о сие царя - этруска Тарквиния, пересказанном Акцием-трагиком II в.до н.э., низвержение правителя на землю бараном предвещает городу революцию Брута Старшего [Cic.De div.I,22]. В то же время солярный характер знака виден из того, что в историях Пелопидов и Тарквиния его появление в рассказах о переворотах одинаково дублируется мотивом изменившегося хода Солнца (ср. происхождение правителей Эи, хранителей золотого руна, от солнечного божества).

Возвращаясь к «тесеевско-аргонавтическому» циклу можно утверждать, что оба входящих в него сюжета характеризует оппозиция между героической однократностью деяния и циклической регулярностью действия, заключенного в его ритуальном подтексте – обновления «здешнего» царя, греческого правителя, посредством испытаний, выдерживаемых царевичем в заморском культовом центре. В этом действии царевич-путешественник играет сразу против двух царей: умерщвляя сына царя культового центра, становясь зятьями правителя, живущего у края мира, Ясон и Тесей тем не менее своими победами знаменуют исключительно смену правления на своей греческой родине. Ни тот ни другой не делают попыток овладеть заморским царством, стать преемниками Ээта или Миноса.

Сравнивая воплощение этой «праструктуры» в двух сюжетах цикла, наблюдаем в обоих ее переосмысление и вырождение, но идущее по двум альтернативным линиям. Аргонавтический миф ясно сохраняет древнее ритуальное содержание, вместив его в псевдоисторическую форму рассказа о героическом походе. Миф же о плавании Тесея выпячивает ритуальную схему – посольства раз в девять лет, привязанные к

обновлению «девятилетнего» Миноса! – но вкладывает в нее историческое содержание: противопоставление минойского Крита и Греции, прежде всего – Греции прибрежной, непосредственно вовлекаемой в сферу талассократии (к тому же тождество состава посольств к Миносу с численностью юношей и девушек, заточавшихся на год в коринфском храме во искупление убийства детей Медеи, по Schol.Eur.Med.264, показывает, что тесеевская версия была дополнительно осложнена реминисценцией некоего ритуала искупления убийства). В первом случае – органическая, «имманентная» эволюция мифо-ритуального сюжета, во втором – его трансформация под прямым воздействием историко-политических обстоятельств, точнее – воспоминания о них. Эта наглядная разница побуждает нас считать припонтийско-анатолийскую привязку всего воссоздаваемого мифо-ритуального комплекса древнейшей по сравнению с привязкой критской, отразившей расклад в Восточном Средиземноморье в среднеэлладскую эпоху и начале позднеэлладской, микенской. Переработчиками предания, создавшими новую версию по старой канве, с очевидностью следует считать ионийские племена Аттики. Творцами же и хранителями версии более древней, повествующей о плавании в Эю и в какой-то момент соотнесенной с фессалийским Иолком как отправным пунктом похода естественно рисуются племена ахейско-эолийского круга.

Нельзя не отметить, что ряд мотивов, привязанных к Ээ, находит прямые параллели в хеттских царских обрядах хаттского происхождения, которые вполне могли отправляться в Восточном Причерноморье еще в III тыс. до н.э. Таковы: образ висящего в святилище руна как божества, обеспечивающего плодородие и процветание царскому дому, соседство святилищ Руна и Солнца [Ардзинба 1982, 10,65,129,132, 145-146]; постоянное титулование хеттских царей «Солнцем» и наличие ритуалов, где царь уподоблялся Солнцу, обходящему мир (там же, с.45-46), откуда не так уж далеко до идеи солярного происхождения династии; мотив запрягания царевичем и его людьми быка и священной пахоты на весеннем празднике хассумас, рассматриваемые в литературе как элементы хеттской инициации царевича (там же, с.42 вслед за [Gueterbock 1969, 99-102]); указания на особую обувь царей и мотив переобувания как отражающего изменение социального статуса (там же, с.51-55); наконец, огромное значение в хетто-хаттских ритуалах жрицы с титулом «Сестра Бога» (NIN.DINGIR),

обходившей святилища Руна и Солнца и, возможно, бывшей сакральной супругой царя (там же, с.125-133)»¹¹.

Я ничего не изменил в старом докладе, хотя кое-что мог бы сейчас поправить и многое добавить. Но в связи с темой «Трои и Эи» важно лишь то, что я и сейчас полностью разделяю его главный вывод. Древнейшая часть рассмотренного цикла – эолийская. Целью ритуального путешествия она полагала Эю на краю Океана. Пунктом отплытия она в некий момент признала Иолк, порт на побережье Эи фессалийской, «Эи – общего достояния фессалийцев», словами Софокла. Нельзя пройти мимо того обстоятельства, что серия важных эпизодов аргонавтического мифа привязана к побережью и островам исторической Эолиды (Лемнос, Мисия) и к пропонтийскому побережью (Кизик, область бибриков). В статьях [Гиндин-Цымбурский 1995; Цымбурский 2003] было сформулировано положение о Троянской войне как звене в реконкисте малоазийской промежуточной прародины греков – реконкисте, растянувшейся на всю эпоху поздней бронзы и раннего железа и запечатленной также и в других сказаниях – о Троянской войне Геракла, о царстве Макарея, сына Эола, на Лесбосе, наконец, и о переселении на эту землю эолийцев под водительством потомков Агамемнона и Ореста. Сказание об аргонавтах приурочено к временам, когда позиции илионской твердыни выглядели непоколебимыми, перекрывающими балканским грекам возвратный путь в этот край – см. версии Диодора (IV,32) и Дарета (1-2) о насилиях Лаомедонта в отношении аргонавтов как о причине первой, Геракловой, Троянской войны. Но в лемносской, кизикской, мисийской ретардациях этого похода можно видеть те же реконкистадорские интенции, переплетшиеся в этом предании с мотивами гораздо более старыми, каковые ахейско-эолийская традиция способна была вобрать еще в века пребывания ее носителей на промежуточной прародине – впитать из рассказов более ранних обитателей этого края (вероятно, прафракийцев и определенно каких-то групп хетто-лувийцев, в том числе пралидийцев) о далеких восточных народах того же анатолийско-припонтийского ареала. Сличение истории золотого руна с ролью золотого барана в мифе о вражде между Пелопидами и барана в легендарном

---

¹¹ Гамкрелидзе и Иванов [1984,902, 909] полагают, что неоднократно упоминаемое в хеттских мифологических ритуальных текстах слово *kurša* (=gurša) «руно» прямо отразилось в греч. βύρσα «содранный шкура», «мех для вина», но отмечаемые теми же авторами параллели в ст.-асс.gursānum, угар. krsn «мех, кожаный сосуд», побуждают видеть здесь распространенный во II тыс.до н.э. переднеазиатский культурный термин. К грекам он вполне мог проникнуть из семитского источника, учитывая фонетическое развитие *g(u)-> b(u)-*, такое же как в семит.Gubla> греч. Βύβλος.

сне Тарквиния показывает, что речь идет о представлении, каковое вполне могло быть принесено из Западной Анатолии.

Имя Αἰολεῖς и название Αἴα применительно к стране на востоке связаны, но не связью непосредственно генетической (что предположили Гамкрелидзе и Иванов, приписав свою идею Г.Хенигсвальду), а стечением исторических обстоятельств, при которых часть прагреков усвоила оба эти имени, как и самоназвание ахейцев, с запечатлевшимся во всех вариантах единой основы тополого-географическим представлением о «пограничье, крае». Это стечение обстоятельств стало той *завязью*, из которой развился миф эолийцев о плавании из их Эи в Эю последнюю, где отпрыски Солнца хранят священное Руно – знак царства. Позднее, когда Эей эолийцев стала Фессалия, это плавание начало включать в себя подвиги на землях былой «Пра-Аххиявы», в соседстве с Лаомедонтовой Троей, некогда построенной Эаком – «Человеком из Эи». Опираясь на этот миф, ионийцы впрямь выработали свой собственный миф, вероятно, вдохновившись переключкой имен минийцев и Миноса, позволившей применить к новым условиям идею «минийского плавания».

Представления о «последней Эе» и об Океане неразделимы. Потому очень правдоподобно, что именно на промежуточной прародине под влиянием мировидения местных уроженцев воображение праэолийцев пережило географическую революцию, результаты которой отложились в греческой мифологии: на месте континентальных степных протяженностей Северного Причерноморья, изобилующих гидронимами от основы $*dānu-$, - тех самых, откуда их собственные предки-прагреки несколькими веками ранее унесли величальное имя «данайцев», - пришлые насельники малоазийской Аххиявы-Айвы смогли увидеть Океан.

Не различить ли в греческой колонизации Северного Причерноморья – второго, уже вполне бессознательного этапа той же реконкисты с выдвиганием греков на земли «настоящей прародины и восстановлением здесь греко-иранского, а если поверить «причерноморской Indo-Aric'e» О.Н.Трубачева, то и греко-индоарийского общения? Впрочем, в подобных раздумьях не стоит заходить слишком далеко. Ведь можно представить историософа, который приняв идею неолитической переднеазиатской прародины индоевропейцев, расценил бы великую азиатскую авантюру македонцев в IV в. до н.э. как «Третью Реконкисту».

БИБЛИОГРАФИЯ

- А р д з и н б а 1982 = Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.
- Г а м к р е л и д з е-И в а н о в 1984 = Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т.П. Тбилиси, 1984
- Б е н в е н и с т 1974 = Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.,1974.
- Г е р ц е н б е р г 1972 = Герценберг Л.Г. Морфологическая структура слова в древних индоевропейских языках. Л.,1972.
- Г е р ц е н б е р г 1978 = Герценберг Л.Г. Индоевропейский, картвельский, иранский //Актульные проблемы иранской филологии. Тбилиси, 1978.
- Г и н д и н 1967 = Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова М., 1967.
- Г и н д и н 1981 = Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София 1981.
- Г и н д и н – Ц ы м б у р с к и й 1994 = Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Прагреки в Трое // Вестник древней истории, 1994, №4.
- Г и н д и н – Ц ы м б у р с к и й 1995 = Гиндин Л.А.,Цымбурский В.Л. Троя и «Пра-Аххиява» // Вестник древней истории, 1995, №3.
- Г и н д и н – Ц ы м б у р с к и й 1996 = Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л., Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996.
- Г о р д е з и а н и 1978 = Гордезиани Р.В. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978.
- Г р е й в с 1992 = Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992.
- Е л о е в а 1984 = Елоева Ф.К. Этимология др.-греч. κρήνη. //Античная балканистика.Карпато-Балканский регион в диахронии. Предварительные материалы к международному симпозиуму. М.,1984.
- И в а н о в 2003 = Иванов Вяч.Вс. Восточные индоевропейцы, анатолийцы и носители древнебалканских культур // Балканские чтения-7: В поисках «ориентального» на Балканах. Тезисы и материалы. М.,2003.
- К а з а н с к и й 1978 = Казанский Н.Н. Лув. aḥḥa~ др.-греч. ἄχρη // Античная балканистика-3. Предварительные материалы.М., 1978.
- К а з а н с к е н е – К а з а н с к и й 1982 = Казанскене В.П., Казанский Н.Н. Etymologia Graeco-Latina. I-IV. // Лингвистические исследования-1981. М.,1982.
- К л е й н 1998 = Клейн Л.С. Анатомия «Илиады». Спб. 1998.

- С е р г е е в – Ц ы м б у р с к и й 1987 = Сергеев В.М., Цымбурский В.Л. «Тезеевско-аргонавтический цикл в ритуальной ретроспективе // Конференция «Религиозные представления в первобытном обществе» Тезисы докладов. М.,1987.
- Т о п о р о в 1975 = Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. А-Д. М.,1975.
- Ф а с м е р 1971-1973 = Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.3-4. М.,1971-1973.
- Ц ы м б у р с к и й 1990 = Цымбурский В.Л. Лаомедонт – эпиклеза Посейдона? / К разночтениям в ст.157 «Александры» Ликофрона //Вопросы классической филологии.Х. М.,1990.
- Ц ы м б у р с к и й 1996 = Цымбурский В.Л. Гомеровский эпос и легендарная традиция Анатолии // Азия – диалог цивилизаций. Спб.,1996.
- Ц ы м б у р с к и й 2003 = Цымбурский В.Л. Этно- и лингвогенез Трои как преломление индоевропейской проблемы (К 70-летию со дня рождения Л.А.Гиндина) //Вопросы языкознания, 2003.№3.
- Ц ы м б у р с к и й – Ф а й е р 2002 = Цымбурский В.Л., Файер В.В. /Рецензия на кн.: Клейн Л.С. Анатомия «Илиады». Спб.1998/ //Вестник древней истории, 2002, №1.
- Э С С Я, 6 = Этимологический словарь славянских языков. Под ред.О.Н.Трубачева. т.6. М.,1979.
- A s t o u r 1965 = Astour M. Hellenosemitica. Leiden, 1965.
- B e r a r d 1929 = Berard V. Les navigations d'Ulysse. T.4., P., 1929.
- B e t h e 1927 = Bethe E. Homer. Dichtung und Sage. Bd.3. B.-Leipzig.,1927
- B l e g e n 1963 = Blegen C.W. Troy and the Trojans. N.-Y., 1963.
- B r u g m a n n 1911 = Brugmann K. Zur italischen und griechischen Wortforschung //Indogermanische Forschungen,29,1911.
- C a r r u b a 1963 = Carruba O. Lydisch und Lyder //Mitteilungen des Instituts fuer Orientforschung,8,1963.
- C a r r u b a 1964 = Carruba O. Ahhiyawa e altri nomi di popoli e di paesi dell Anatolia occidentale // Athenaeum, 42,1964.
- C h a n t r a i n e 1968 = Chantraine P. Dictionnaire etymologique de la langue grecque.T.1, P.1968.
- F i c k 1914 = F i c k A. Aelteste griechische Stammverbaende // Zeitschrift fuer vergleichende Sprachforschung 1914,45.
- F i n k e l b e r g 1988 = Finkelberg M. From Ahhiyawa to Αχαιοί //Glotta,66,1988.

- F r i e d r i c h 1927 = Friedrich J. Werden in den hethitischen Keilschrifttexten die Griechen erwahnt? //Kleinasiatische Forschungen, I,1,1927.
- F r i s k 1960 = Frisk Hj. Griechisches etymologisches Woerterbuch Bd.1. Heidelberg 1960.
- F o r r e r 1924 = Forrer E. Vorhomerische Griechen in den Keilschriften von Boghazkői // Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft,63,1924.
- F o r r e r 1924a = Forrer E. Die Griechen in den Boghazkői-Inschriften // Orientalistische Litteraturzeitung, 27, 1924.
- F r a e n k e l 1955 = Fraenkel E. Litavisches etymologisches Woerterbuch. B.1., Goettingen, 1955.
- F r i s k I = Frisk Hj. Griechisches etymologisches Woerterbuch. Bd.I. Heidelberg, 1960.
- G i m b u t a s 1974 = Gimbutas M. The destruction of Aegean and East Mediterranean urban civilization around 2300 B.C. // Bronze Age Migrations in the Aegean. Park Ridge 1974.
- G o e t z e 1957 = Goetze A. Kleinasien. Muenchen, 1957.
- G r a v e s 1977 = Graves R. The Greek myths. V.1-2., L.,1977.
- G u e t e r b o c k 1969 = Gueterbock H. An initiation rite for a Hittite Prince / American Oriental Society Midwest Branch. Semisentennial Volume. Bloomington, 1969.
- G u e t e r b o c k 1983 = Gueterbock H. The Ahhiyawa=problem reconsidered // American Journal of Archaeology, 87,1983.
- G u e t e r b o c k 1984 = Gueterbock H. Hittites and Akhaeans // Proceedings of American philosophical society, 128, 1984.
- H a m m o n d 1972 = Hammond N.G.L. A History of Macedonia. Vol.1. Oxf.1972.
- H a m m o n d 1974 = Hammond N.G.L. Grave circles in Albania and Macedonia // Bronze Age Migrations in the Aegean. Park Ridge 1974.
- H e u b e c k 1957 = Heubeck A. Weitere Bemerkungen zu den griechischen Personennamen auf den Linear B Tafeln // Beitrage zur Namenforschung, 8, 1957.
- H o d i n o t t 1981 = Hodinott R.F. The Thracians. L., 1981.
- H o e n i g s w a l d 1980 = Hoenigswald H. The name of the Argolid // Word,31, 1980.
- H o u w i n k t e n C a t e 1974 = Houwink ten Cate Ph.H.J. Anatolian evidence for the relations with the West in the Late Bronze Age //Bronze Age Migrations in the Aegean, Park Ridge, 1974.
- K a z a n s k y 1999 = Kazansky N. PIE. *meg'h= //Zeitschrift fuer celtische Philologie, 52, 1999.
- L e s k y 1948 = Lesky A. Aia // Lesky A. Wiener Studien 63, 1948.h

- L i d d e l l – S c o t t 1940 = Liddell H.G., Scott R. A Greek-English lexicon . 1-2, Oxford 1940.
- M a r i n a t o s 1974 = Marinatos S. The first “Myceneans” in Greece //Bronze Age Migrations in the Aegean. Park Ridge 1974.
- M e l l a a r t 1958 = Mellaart J. The end of the Early Bronze Age in the Anatolia and the Aegean //American Journal of Archaeology, 62, 1958.
- M e l l a a r t 1971 = Mellaart J. Anatolia 4000-2300 B.C. //Cambridge Ancient History. 3-rd ed., vol.1,p.2. Cambridge 1971.
- M e l l i n k 1983 = Mellink M. Archaeological comment on Ahhiyawa=Achaians in Western Anatolia // American Journal of Archaeology, 87, 1983.
- P a g e 1959 = Page D.L. History and the Homeric Iliad. Berkeley-Los Angeles, 1959.
- P a l m e r 1962 = Palmer L.R. Myceneans and Minoans. N.-y., 1962.
- P o k o r n y 1959 = Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Woerterbuch. Bd.I. Bern-Muenchen, 1959.
- R o b e r t 1921 = Robert C. Die Griechische Heldensagen. Bd.2-3. B., 1921.
- S c h a c h e r m e y r 1986 = Schachermeyr F. Mykene und das Hethiterreich. Wien, 1986.
- S o m m e r 1932 = Sommer F. Die Ahhiyawa-Urkunden. Muenchen, 1932.
- S o m m e r 1937 = Sommer F. Ahhiyawa und kein Ende? //Indogermanische Forschungen, 55, 1937.
- V e n t r i s – C h a d w i c k 1973 = Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge 1973².
- V i a n 1987 = Vian F. Les navigations des Argonautes. Elaboration d’une légende //Bulletin de l’ Association G.Budé. P., 1987.
- W i l l a m o w i t z – M o e l l e n d o r f 1916 = Willamowitz-Muellendorf U. von. Die Ilias und Homer. B.,1916.
- W a c k e r n a g e l 1877 = Wackernagel J. Zum Homerischen Dual //Zeitschrift fuer vergleichende Sprachforschung, 23, 1877.